

НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

© АРТАМОНОВА У.З., 2021

АРТАМОНОВА Ульяна Звиадиевна, младший научный сотрудник сектора внешней и внутренней политики США Центра североамериканских исследований.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (artamonova.u@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1825-9291.

Артамонова У.З. Направления и формы реализации публичной дипломатии. *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*, 2021, № 2, сс. 49-56. DOI: 10.20542/afj-2021-2-49-56

DOI: 10.20542/afj-2021-2-49-56

УДК: 327.7

Статья поступила в редакцию 26.06.2021.

Статья принята редакцией 09.07.2021.

Публичная дипломатия с каждым годом становится все более актуальным направлением научных исследований. Однако в области теоретического осмысления этой темы по-прежнему остается много пробелов. Одни из самых существенных среди них – проблема концептуализации самого феномена публичной дипломатии и отсутствие консенсуса относительно классификации процессов ее реализации. Цель данной статьи – изучить и проанализировать опыт осмысления данной темы иностранными и отечественными учеными и выявить доминирующие подходы к ней, предложить варианты классификации процессов реализации публичной дипломатии, доступные для универсального применения исследователями, а также сделать вывод относительно того, какая классификация больше подходит для анализа современных тенденций публичной дипломатии.

Ключевые слова: публичная дипломатия, “мягкая сила”, культурная дипломатия, цифровая дипломатия, инновационное, теория международных отношений.

Публичная дипломатия в последние годы становится все более популярной темой как в научных исследованиях в сфере международных отношений, так и в обсуждениях экспертов-политологов. Идея возможности достижения государством внешнеполитических целей через взаимодействие с иностранной общественностью особенно привлекает ученых и экспертов по нескольким причинам.

Во-первых, с каждым годом государства все меньше могут рассчитывать на использование исключительно военных средств или экономических ресурсов для обеспечения своих внешнеполитических интересов из-за растущей глобальной взаимозависимости, размывания национальных границ, культивации гуманистических и демократических ценностей в мировом масштабе. Во-вторых, достижения технологического прогресса упростили доступ общественности к источникам информации, а также процесс обмена ею, что повысило значимость того, какие именно идеи, точки зрения и дискурсы доминируют в международном информационном поле. В-третьих, все больше внимания в международной политической повестке как на уровне отдельных государств, так и на уровне межгосударственных объединений и неправительственных организаций уделяется человеку, его личности, правам и свободам, их защите и гарантиям, а значит, подчеркивается и роль индивида и гражданина в процессах, напрямую затрагивающих условия жизни и будущее государства и общества. Растет внимание к роли социума и общественного мнения в процессе принятия политических решений,

соответственно, повышается и значимость исследования концепции, предполагающей возможность влияния на взгляды рядовых граждан при наличии политических мотивов. Таким образом, публичная дипломатия остается актуальным направлением исследований.

Тем не менее в том, что касается теоретического осмысления, она по-прежнему представляет значительный вызов для научных изысканий. Как концепция публичная дипломатия впервые оформилась в среде американских политологов и первые десятилетия своего существования развивалась преимущественно в США. В связи с этим как теоретическое направление она имеет определенную специфику. Для американской политической мысли характерно доминирование дескриптивного подхода к исследованию над нормативным [1]. Соответствующую особенность подробно описал профессор МГИМО Э.Я. Баталов: «Одна из специфических черт американской политической мысли заключается в том, что ее творцы в большинстве своем никогда не жили в башне из слоновой кости и были тесно связаны с политической практикой. <...> Они были ориентированы на практику. Они видели свою задачу не в том, чтобы открыть “вечные”, абстрактные законы политического бытия, а в том, чтобы дать обоснование тем или иным практическим целям» [2].

Упомянутая особенность проявляется, помимо прочего, в том факте, что многие ключевые американские политические мыслители были не теоретиками (во всяком случае, не только), а именно практиками [2]: Т. Джефферсон, А. Гамильтон, В. Вильсон, Г. Киссинджер, З. Бжезинский.

Данная ситуация нашла отражение в том числе в исследованиях публичной дипломатии. Автора термина, декана Школы права и дипломатии им. Флетчера Университета Тафтса Э. Галлиона называют одним из самых успешных карьерных дипломатов в истории США [3]. Х. Тач, который опубликовал значимые работы по этой теме, отдал дипломатической службе 36 лет своей жизни (включая работу в Москве в начале холодной войны). Дж. Най-мл., известный сегодня как автор концепции “мягкой силы”, по содержанию пересекающейся с публичной дипломатией, в разные годы занимал политические должности (в том числе, в Совете национальной безопасности и в Национальном совете по разведке США). Н. Сноу, под редакцией которой вышел один из наиболее всеобъемлющих трудов энциклопедического характера по исследуемой теме – «Пособие по публичной дипломатии издательского дома “Ратледж”» (*The Routledge Handbook of Public Diplomacy*) [4], проходила стажировки в Информационном агентстве США и Государственном департаменте США. Поэтому не должен вызывать удивления тот факт, что в теоретическом, намеренно дистанцированном от конкретных примеров и кейсов, осмыслении публичной дипломатии отсутствует четкий общепринятый набор “канонических” установок, что, с одной стороны, оставляет ученым существенный простор для исследований, а с другой, – затрудняет поиск точек соприкосновения, так как понимание базовых вопросов публичной дипломатии может существенно отличаться у разных экспертов.

Основополагающая сложность заключается в отсутствии единого общепринятого определения. Как было отмечено выше, считается, что первым, кто сформулировал определение понятия “публичная дипломатия” в значении близком к современному, был Э. Галлион [5], когда он основал Центр публичной дипломатии им. Э.Р. Марроу¹ в 1965 г. По мнению Галлиона, публичная дипломатия подразумевает оказание влияния на взгляды и представления иностранной общественности в контексте принятия внешнеполитических решений.

Стоит отметить, что в научной литературе “публичная дипломатия” как формулировка не фигурировала до 1972 г. [6; 7] После Галлиона множество определений этого термина было дано специалистами, представляющими различные школы мысли, страны и отрасли науки, однако к согласию они так и не пришли. Американский историк Э. Лэйн совершенно справедливо заметила, что публичная дипломатия прочно вошла в лексикон

¹ Э.Р. Марроу был выдающимся военным корреспондентом и журналистом, работал на *Columbia Broadcasting System (CBS)*, возглавлял Информационное агентство США с 1961 по 1964 гг.

дипломатов XXI в., не имея четкого определения [8]. В этой связи определение публичной дипломатии тем или иным исследователем во многом зависит от того, что именно лично он вкладывает в это понятие.

Отсюда вытекает еще одна сложность: отсутствие консенсуса среди ученых относительно того, что представляет собой процесс реализации публичной дипломатии, какие виды деятельности он в себя включает, по какому принципу они должны быть классифицированы и должны ли вообще. Если практически каждое исследование, посвященное этому феномену, включает в себя его определение (пусть и не единое для всех авторов), то типология процессов реализации публичной дипломатии в тематических работах встречается гораздо реже. Например, раздел, посвященный классификации изучаемого явления, отсутствует в охватывающей широкий спектр вопросов монографии "Публичная дипломатия: Теория и практика" [9] коллектива авторов МГИМО МИД России. То же можно сказать и об упомянутом выше и весьма популярном на международном уровне пособии издательства "Ратледж" [4]: первое издание 2009 г. не включало отдельной главы, посвященной классификации практик публичной дипломатии, хотя исследования некоторых членов авторского коллектива и затрагивают этот вопрос. Интересно, что ситуация изменилась во втором издании пособия 2020 г. [10]: в нем появился целый раздел, посвященный "ключевым практикам" публичной дипломатии.

Даже в тех случаях, когда научные работы затрагивают указанную тематику, отсутствие унифицированной терминологии и общей теоретической рамки не может не вызывать путаницы и затруднений у исследователей. Эксперты, описывая проявления публичной дипломатии, зачастую используют термины "измерения" [11; 12; 13], "элементы / типы" [14], "инициативы" [15], "направления" [16; 17; 18], "техники" [19], "составляющие" [20] и пр., подразумевая одни и те же или, по крайней мере, смежные представления. Таким образом, не имея единого общепринятого подхода к классификации процессов реализации публичной дипломатии, экспертному сообществу приходится сталкиваться со сложностями при анализе других аспектов соответствующей сферы исследований: например, при оценке эффективности публичной дипломатии конкретного государства, сравнении публичной дипломатии нескольких стран и т.п. Именно по этой причине данная статья нацелена на то, чтобы на основе анализа аккумулированных знаний, полученных при изучении работ отечественных и иностранных ученых, выработать наиболее сбалансированные и универсальные подходы к классификации процессов реализации публичной дипломатии, которые значительно упростят дальнейшие изыскания, что особенно важно на фоне растущей актуальности публичной дипломатии как направления исследований.

При классификации процессов реализации публичной дипломатии и отечественные, и иностранные исследователи чаще всего опираются на модели, разработанные М. Леонардом и Н. Каллом. Именно эти авторы наиболее четко сформулировали подходы к систематизации изучаемого явления в целом, а не только применительно к частным случаям.

М. Леонард, британский политолог, директор аналитического центра "Европейский совет по международным отношениям" выделяет три "измерения" публичной дипломатии [11]. Первое измерение – реактивное, подразумевает непосредственно реагирование на происходящие события, по времени исчисляется часами и днями. Второе, проактивное, заключается в формировании повестки дня через деятельность и мероприятия, направленные на трансляцию некоего посыла и оказание влияния на установки и взгляды в сознании иностранной общественности. Что касается временных рамок, проактивное измерение ограничивается неделями и месяцами. Дж. Най, который в своем анализе публичной дипломатии также использует модель Леонарда, характеризует второе изменение как "стратегическую коммуникацию" [13]. Третье измерение – это построение долгосрочных взаимоотношений с иностранной общественностью. Оно подразумевает достижение признания ценностей и убеждений государства-инициатора за рубежом и параллельное изучение иностранного опыта со стороны этого государства. По временному критерию данное измерение наиболее долгосрочное – связанные с ним практики реализуются годами.

Дж.Р. Келли, профессор Американского университета (г. Вашингтон), отталкиваясь от модели М. Леонарда, предлагает выделять три основные категории деятельности в публичной дипломатии: “информация”, “влияние”, “вовлечение” [12]. Первая категория включает в себя реагирование на события или кризисы в краткосрочной перспективе, манипуляцию информационными потоками. Вторая подразумевает долгосрочные кампании по воздействию, направленные на изменение установок в сознании целевой аудитории. Третья категория касается выстраивания взаимоотношений в долгосрочной перспективе, культивации доверия и взаимопонимания между народами. Данный подход отличает обобщенное понимание процесса реализации публичной дипломатии, поэтому обозначаются только принципы, в рамках которых происходит такое воздействие, но конкретные инструменты, инициативы и программы не называются.

Несколько иной подход предлагает американский эксперт по публичной дипломатии, профессор Р. Захарна, по мнению которой, весь широкий спектр инициатив публичной дипломатии можно разделить на две категории: информационное измерение и измерение взаимоотношений. Первое сфокусировано на формулировании и распространении определенных посылов для достижения политических целей. Второе измерение предполагает достижение политических целей за счет выстраивания взаимоотношений и конструирования социальных структур [15]. Примечательно, что у Захарны временной критерий отсутствует, хотя измерение взаимоотношений априори подразумевает более длительные по времени программы, связанные как правило с образованием и культурой.

Особое внимание временному критерию уделяет американский дипломат Х. Тач. Он выделяет “медленные” и “быстрые” техники публичной дипломатии, изучая опыт США [19]. К быстрым он относит информационные программы и инструменты, задача которых в реализации немедленных или краткосрочных политических целей. Медленные техники включают в себя культурные и образовательные программы и обмены, они нацелены на достижение взаимопонимания между народами государства-инициатора и стран-адресатов его публичной дипломатии в долгосрочной перспективе.

Как уже было сказано, одной из ключевых альтернативных моделей типологизации процессов реализации публичной дипломатии, принимаемой за основу многими исследователями, является вариант, предложенный британским историком Н. Каллом. Он выделяет пять “типов” публичной дипломатии: восприятие, агитация, культурная дипломатия, дипломатия обменных программ, иновещание [14]. Восприятие элемент, отличающий Калла от большинства исследователей, как правило, фокусирующихся исключительно на направленных вовне действиях, подразумевает сбор и анализ данных об иностранной аудитории и общественном мнении для выбора наилучшего подхода в рамках публичной дипломатии.

Агитация в данном контексте – это попытка активно продвинуть в сознании иностранной общественности некое политическое решение, идею или в целом интересы актора. Культурная дипломатия подразумевает воздействие на международную среду через обнародование актором своих культурных ресурсов и достижений и/или через содействие распространению своей культуры за рубежом. Некоторые ученые предпочитают отделять культурную дипломатию от публичной, ограничивая понимание последней только рамками агитации [21].

Дипломатия обменов позволяет государству достигать поставленных целей, отправляя своих граждан за рубеж и принимая иностранцев, например, на период обучения. Интересно, что ряд экспертов объединяет предыдущие два типа в один. В частности, профессор Свободного университета Берлина Дж. Гиноу-Хехт, анализируя культурную дипломатию Соединенных Штатов, включает в это понятие как экспорт американской культуры, так и академические обмены [22].

Последний выделяемый Н. Каллом тип – иновещание или международное вещание подразумевает взаимодействие с иностранной аудиторией через радио, телевидение и интернет. По своему роду деятельности иновещание может пересекаться со всеми предыдущими элементами.

Примечательно, что в отличие от М. Леонарда и Дж.Р. Келли, Н. Калл не дифференцирует типы публичной дипломатии по принципу конечной цели. У всех присутствует единая конечная цель – влияние на иностранную общественность. Однако Калл, как и Леонард, вводит временной критерий. Воздействие агитации – краткосрочное, культурной дипломатии – долгосрочное, дипломатии обменов – крайне долгосрочное, иновещания – среднесрочное, восприятия – кратко- и долгосрочное.

Похожей логики придерживается профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН Г.Ю. Филимонов, выделяя четыре направления публичной дипломатии: внешнюю культурную политику, культурную дипломатию (эти понятия, по мнению Г.Ю. Филимонова, хоть и являются смежными, но не равнозначны, так как культурная дипломатия предполагает более широкий круг участников, включая негосударственных акторов [23]), информационное сопровождение международной деятельности государства и образовательные обменные программы [18]. Матрицу направлений также применяют в своем анализе политики “мягкой силы” бывших империй заведующая и старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН И.Л. Прохоренко и Е.М. Харитоновна, добавляя к экспорту образовательных услуг и культурной дипломатии такие направления, как зарубежное продвижение языка государства-инициатора и содействие международному развитию [24]. Профессор, заведующая кафедрой американских исследований СПбГУ Н.А. Цветкова на примере американского кейса сокращает число таких направлений до трех: информационного, образовательного и культурного [25].

Интересен и тот факт, что в исследованиях публичной дипломатии часто наблюдается тенденция к умножению числа элементов в соответствующей классификации. Например, отдельные работы посвящены исследованию “гастродипломатии” [26] – использованию национальной кухни для целей публичной дипломатии; в других встречается термин “спортивная дипломатия” [27] с фокусом на международные спортивные состязания и на тот эффект, который они оказывают на международный имидж государств.

Выделяется тенденция ряда исследователей рассматривать достижения технологического прогресса в качестве повода для расширения спектра классификации процессов реализации публичной дипломатии. Изначально в качестве отдельного направления публичной дипломатии некоторые эксперты выделяли цифровую дипломатию или “публичную дипломатию *Web 2.0*” [28; 29], то есть воздействие на общественное мнение при помощи цифровых технологий в целом, интернета и всех сопутствующих платформ и инструментов (сайты, социальные сети, блоги и т.п.). В дальнейшем появились также публикации с фокусом на определенных элементах, связанных с интернет-технологиями, и расширяющие соответствующую терминологию. В частности, возникли такие термины, как “твипломаси” или “твиттер-дипломатия” (англ. *twiplomacy / twitter diplomacy*) [30], обозначающие использование одноименной социальной сети для манипуляции информационными потоками и общественным мнением; а также “дипломатия больших данных” (англ. *big data diplomacy*) [31; 32], суть которой заключается в использовании технологий по сбору, обработке и анализу данных для наилучшего таргетирования аудитории в интернете. Подобные тенденции лишней раз подтверждают тезис об отсутствии единого консенсуса в экспертном сообществе, изучающем публичную дипломатию.

Таким образом, в вопросе осмысления процесса реализации публичной дипломатии у экспертного сообщества отсутствует единая позиция. Проанализировав работы отечественных и иностранных ученых, напрямую и косвенно затрагивающие соответствующую тематику, можно задействовать метод обобщения и на основе доминирующих тенденций предложить два базовых и универсальных подхода к классификации процессов реализации публичной дипломатии.

Первый, вдохновленный в значительной степени моделью М. Леонарда, заключается в выделении *направлений* публичной дипломатии, когда дифференциация происходит по принципу конечной цели определенного вида деятельности: выстраивание взаимоотношений с иностранной общественностью, манипуляция информационными потоками и т.п. Классификация в таком случае происходит на основе направленности вида деятельности и имеет более общий характер, поэтому направлений не может быть слишком много. В рамках этого подхода не заостряется внимание на конкретных инструментах или технологиях, применяемых для достижения итоговых целей, но подчеркивается значимость временного критерия, так как одни цели реализуемы в значительно более длительной временной перспективе, чем другие.

Второй подход, вдохновленный работой Н. Калла, заключается в выделении *форм* публичной дипломатии, таких, как культурная дипломатия, иновещание и пр. В данном случае дифференциация имеет более детальный характер, чем классификация по направлениям, и, соответственно, форм неизбежно будет больше, чем направлений. Однако оправданным представляется сознательный выбор именно термина «форма», так как он является понятием более широким, нежели «инструмент».

Каждая из форм публичной дипломатии, с точки зрения автора, может быть реализована посредством множества инструментов: культурная дипломатия с помощью зарубежных гастролей творческих коллективов, проведения выставок предметов искусства в других странах, распространения кинопродукции в мире и прочее; иновещание – путем радиотрансляций, телепередач, ведения интернет-сайтов и аккаунтов в социальных сетях и т.д. При таком подходе использование, например, социальной сети «Твиттер» стоит рассматривать не как отдельную форму публичной дипломатии, а как инструмент, который может быть использован в рамках различных ее форм: иновещания, если речь идет о распространении новостей; культурной дипломатии, если «твит» посвящен международному культурному событию, и т.д. Поскольку прогресс не стоит на месте, мы не считаем целесообразным введение третьего подхода классификации на основе инструментов: это может привести к бесконечному умножению единиц в соответствующей классификации, что неизбежно усложнит понимание и процесс исследований в будущем.

Что касается оптимального подхода для анализа современных практик и тенденций публичной дипломатии, то, на наш взгляд, на этот вопрос невозможно дать однозначный ответ. Представляется целесообразным при комплексном и всеобъемлющем анализе публичной дипломатии (на основе кейса отдельного государства или теоретической модели) рассматривать как направления, так и формы, потому что, в зависимости от ситуации, набор форм, который включает в себя каждое из направлений, может варьироваться. Например, иновещание может быть задействовано как в рамках направления, ориентированного на краткосрочные цели, так и оказывать продолжительный накопительный эффект, который вносит свой вклад в достижение долгосрочных целей в рамках другого направления.

Классификация на основе направлений наиболее уместна при анализе стратегического целеполагания того или иного правительства в реализации публичной дипломатии государства, когда встает вопрос о сильных и слабых сторонах публичной дипломатии, политических целях различной временной перспективы и т.д. В свою очередь классификация на основе форм в большей степени подходит для исследования эффективности усилий какого-либо государства по практической реализации публичной дипломатии, а также в случаях появления новых инструментов, применяемых в практике публичной дипломатии, когда необходимо определить, к какой форме в конкретном случае их можно отнести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Алексеева Т.А. *Современная политическая мысль (XX–XXI вв.): Политическая теория и международные отношения*. Москва, Аспект-Пресс, 2018. 623 с. [Alexeeva T.A. *Contemporary Political Thought (XX–XXI): Political Theory and International Relations*. Moscow, Aspekt-Press, 2018, 623 p. (In Russ.)]
2. Баталов Э.Я. *Американская политическая мысль XX век*. Москва, Прогресс-Традиция, 2014. 625 с. [Batalov E.Ya. *American Political thought in XX Century*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2014. 625 p. (In Russ.)]

3. Saxon W. Edmund Asbury Gullion, 85, Wide-Ranging Career Envoy. *The New York Times*, 31.03.1998. Available at: <https://www.nytimes.com/1998/03/31/world/edmund-asbury-gullion-85-wide-ranging-career-envoy.html> (accessed 25.06.2021).
4. Snow N., Taylor P., eds. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. New York, Routledge, 2009. 384 p. DOI: 10.4324/9780203891520
5. Cull N.J. *The Decline and Fall of the United States Information Agency*. New York, Palgrave Macmillan, 2012. 257 p. DOI: 10.1057/9781137105363
6. Fisher G.H. *Public Diplomacy and the Behavioral Sciences*. Bloomington, Indiana University Press, 1972. 180 p.
7. Henderson G., Binnendijk J. A., Barton S.W. *Public Diplomacy and Political Change: Four Case Studies: Okinawa, Peru, Czechoslovakia, Guinea*. New York, Praeger, 1973. 339 p.
8. Fitzpatrick K. *The Future of U.S. Public Diplomacy: An Uncertain Fate*. Brill, 2009. 307 p.
9. Лебедева М.М., отв. ред. *Публичная дипломатия: Теория и практика*. Москва, Аспект-Пресс, 2017. 272 с. [Lebedeva M.M., ed. *Public Diplomacy: Theory and Practice*. Moscow, Aspekt-Press, 2017, 272 p. (In Russ.)]
10. Snow N., Cull N.J., eds. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. New York, Routledge, 2020. 504 p. DOI: 10.4324/9780429465543
11. Leonard M., Stead C., Smewing C. *Public Diplomacy*. The Foreign Policy Centre, 2002. 192 p.
12. Kelley J.R. Between 'Take-offs' and 'Crash Landings': Situational Aspects of Public Diplomacy. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Snow N., Taylor P., eds. New York, Routledge, 2009, pp. 72-85.
13. Nye J. Public Diplomacy and Soft Power. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, pp. 94-109.
14. Cull N.J. Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 2008, vol. 616, no 1, pp. 31-54.
15. Zaharna R. Mapping out a Spectrum of Public Diplomacy Initiatives: Information and Relational Communication Frameworks. *Routledge Handbook of Public Diplomacy*. Snow N., Taylor P., eds. New York, Routledge, 2009, pp. 86-100.
16. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование "мягкой власти" в мировой политике. *Вестник МГИМО-Университета*, 2010, № 4 (13), сс. 91-97. [Panova E.P. The Power of Attraction: Use of "Soft Power" in Global Politics. *MGIMO Review of International Relations*, 2010, no. 4 (13), pp. 91-97. (In Russ.)]
17. Панова Е.П. Высшее образование как потенциал "мягкой власти" государства. *Вестник МГИМО-Университета*, 2011, № 2 (16), сс. 157-161. [Panova E.P. Higher Education as a "Soft Power" Resource of a State. *MGIMO Review of International Relations*, 2011, no. 2 (16), pp. 157-161. (In Russ.)]
18. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала "мягкой силы". *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 2012, № 1, 67-82 сс. [Filimonov G.Y. The Actual Problems of Forming of Russia's Potential of "Soft Power". *RUDN Journal of Political Science*, 2012, no. 1, pp. 67-82. (In Russ.)]
19. Tuch H.N. *Communicating with the World. U.S. Public Diplomacy Overseas*. New York, Palgrave Macmillan, 1990. 224 p. DOI: 10.1007/978-1-349-60512-5
20. Зонova Т.В. Публичная дипломатия в европейском интеграционном процессе. *Публичная дипломатия зарубежных стран: Учебное пособие*. Под ред. Панова А.Н., Лебедевой О.В. Москва, Аспект-Пресс, 2018, сс. 126-148. [Zonova T.V. Public Diplomacy in the Process of European Integration. *Public Diplomacy of Foreign Countries: Handbook*. Panov A.N., Lebedeva O.V., eds. Moscow, Aspekt-Press, 2018, pp. 126-148 (In Russ.)]
21. Feigenbaum H. B. *Globalization and Cultural Diplomacy*. Center for Arts and Culture, 2001. 54 p.
22. Gienow-Hecht J.C.E., Donfried M.C., eds. *Searching for a Cultural Diplomacy*. New York, Oxford, Berghahn Books, 2010. 278 p.
23. Филимонов Г.Ю. "Мягкая сила" культурной дипломатии США. Москва, РУДН, 2010. 212 с. [Filimonov G.Y. "Soft Power" of U.S. Moscow, RUDN, 2010. 212 p. (In Russ.)]
24. Харитоновa Е.М., Прохоренко И.Л. "Мягкая сила" бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 3, сс. 39-49. [Kharitonova E.M., Prokhorenko I.L. The "Soft Power" of Former Empires: the Comparative Experience of Great Britain and Spain. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 39-49. (In Russ.)] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-39-49
25. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия США. *Публичная дипломатия зарубежных стран: Учебное пособие*. Под ред. Панова А.Н., Лебедевой О.В. Москва, Аспект-Пресс, 2018, сс. 103-125. [Tsvetkova N.A. U.S. Public Diplomacy. *Public Diplomacy of Foreign Countries: Handbook*. Panov A.N., Lebedeva O.V., eds. Moscow, Aspekt-Press, 2018, pp. 103-125 (In Russ.)]
26. Zhang J. The Foods of the Worlds: Mapping and Comparing Contemporary Gastrodiplomacy Campaigns. *International Journal of Communication*, 2015, vol. 9, pp. 568-591.
27. Наумов А.О. Спортивная дипломатия как инструмент "мягкой силы". *Мировая политика*, 2017, № 4, сс. 32-43. [Naumov A.O. Sport Diplomacy as a "Soft Power" Instrument. *Mirovaya politika*, 2017, no. 4, pp. 32-43. (In Russ.)] DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.24852
28. Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США. *США и Канада: экономика, политика, идеология*, 2011, № 3, сс. 109-122. [Tsvetkova N.A. U.S. Web 2.0 Public Diplomacy. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, 2011, no. 3, pp. 109-122. (In Russ.)]
29. Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2008, vol. 616, no. 1, pp. 10-30.
30. Зонova Т.В. *Публичная дипломатия и ее акторы*. Российский совет по международным делам. 07.08.2012. [Zonova T.V. *Public Diplomacy and its Actors*. Russian International Affairs Council. 07.08.2012. (In Russ.)] Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/publichnaya-diplomatiya-ee-aktory/> (accessed 25.06.2021).

31. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике. *Вестник РГГУ. Серия: политология, история, международные отношения, зарубежное регионоведение, востоковедение*, 2020, № 4. сс. 27-44. [Tsvetkova N.A., Kuznetsov N.M. Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics. *RSUH/RGGU Bulletin*, 2020, no. 4, pp. 27-44. (In Russ.)] DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44
32. Dye T. Data Diplomacy. *Scientific Drivers for Diplomacy. Summary of Science Diplomacy 2015*. Washington, Center for Science Diplomacy of the American Association for the Advancement of Science (AAAS), 2015, pp. 19-20. Available at: <https://www.aaas.org/sites/default/files/Summary%20of%20Science%20Diplomacy%202015-Scientific%20Drivers%20for%20Diplomacy.pdf> (accessed 25.06.2021).

FRONTS AND FORMS OF PUBLIC DIPLOMACY

(Analysis and Forecasting. IMEMO Journal, 2021, no. 2, pp. 49-56)

Received 29.06.2021.

Accepted 09.07.2021.

ARTAMONOVA Uliana Z. (artamonova.u@imemo.ru), ORCID: 0000-0003-1825-9291, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Public diplomacy becomes a more and more popular area of research due to several global trends: growing interdependence of states and the rise of transnational actors that urge governments to seek ways beyond their military and economic power to achieve their political goals; technological progress that makes information more accessible to the public, enabling international communication, thus increasing the importance of a dominating narrative; the rise of a human-centric approach placing the emphasis on individual people, protection and promotion of their rights, thus making public opinion more crucial to policy-makers than ever.

However, there are still a lot of lacunae in the theoretical framework analyzing public diplomacy. Among them is the lack of a clear widely accepted classification of activities that fall into the area of public diplomacy. Some researchers choose to avoid typology altogether, others provide academic community with a variety of overlapping and contradicting approaches and terms, such as “dimensions”, “types”, “media”, “frameworks”, etc.

After carefully studying related publications of international and Russian researchers, analyzing them and defining most common trends, the author proposes her own way to classify public diplomacy activities via two synergetic typologies. The first one offers a division by fronts based on the principal of the final goal of each front of public diplomacy: e.g. relationship-building activities and agenda-setting to influence the news. The second one implies a division by forms based on the principal of the general shape of the main types of public diplomacy activities: e.g. cultural diplomacy, international broadcasting. The author highlights that this approach does not involve multiplication of public diplomacy types based on the instrument (e.g. gastro-diplomacy, twitter-diplomacy, sport diplomacy), since each form may incorporate several instruments and the particular toolkit may change in time. The article suggests using both typologies for comprehensive research of public diplomacy (either in a case-study or for a theoretical model). However, a front-based classification can be more useful for studies related to strategic planning, long-term and short-term political goals of government, whereas a form-based classification can be more useful for researchers who focus on measuring a country's public diplomacy effectiveness or seek to attribute a new instrument of public diplomacy.

Keywords: public diplomacy, cultural diplomacy, soft power, international broadcasting, digital diplomacy, international relations theory.

About the author:

ARTAMONOVA Uliana Z., Junior Researcher, Sector of US Foreign and Domestic Policy, Centre of North American Studies.

DOI: 10.20542/afj-2021-2-49-56